

Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 3 (120). С. 100–112.
Cherepovets State University Bulletin, 2024, no. 3 (120), pp. 100–112.

Научная статья

УДК 821.161.1

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-3-120-9>

EDN: RGVNEE

**«Теория» Миколки и ее истоки в художественном пространстве романа
Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»**

Татьяна Сергеевна Карпачева

Московский городской педагогический университет,

Москва, Россия

karpachevaTS@mgpu.ru

Аннотация. В статье рассматривается образ красильщика Миколки в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и соответствие его идеи о спасительности страдания идеологии секты бегунов. Как установил следователь Порфирий Петрович, эту идею внушил Миколке старец, под началом которого тот жил в деревне, т. е., скорее всего, здесь идет речь об альтернативной религиозной общине сектантского толка, близкой к бегунам. Мирозрение Миколки подтверждается и судебной практикой, отраженной в воспоминаниях современников Достоевского. На основании исторических источников была выявлена сходная с Миколкиной малочисленная секта под руководством крестьянина Козьмы Карпова. Идея, пропагандируемая учителем Миколки, соотносится с теорией Раскольникова, где нивелируется ценность человеческой жизни. Миколка не совершает убийства, но, следуя идее «страдания от властей», готов погубить себя. С другой стороны, нельзя не заметить, что теория Раскольникова лежит в основе любого сектантского учения, утверждающего «избранность» одних, которым «все позволено», и «обыкновенность» других. Все это позволяет говорить об авторском отношении к подобного рода сектам, культивирующим идею страдания и пропагандирующим асоциальный образ жизни. Культ страдания оказывается разрушительным для личности и общества, а не созидательным.

Ключевые слова: Достоевский, «Преступление и наказание», Миколка, бегуны, секта

Для цитирования: Карпачева Т. С. «Теория» Миколки и ее истоки в художественном пространстве романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 3 (120). С. 100–112.
<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-3-120-9>; EDN: RGVNEE

Mikolka's "Theory" and its origins in the artistic space of F. M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment"

Tatiana S. Karpacheva

Moscow City Pedagogical University,
Moscow, Russia
karpachevaTS@mgpu.ru

Abstract. The article examines the image of the dyer Mikolka in F. M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment" and the correspondence of his idea of salvation through suffering to the ideology of runners' cult. As the investigator Porfiry Petrovich established, this idea was put into Mikolka's head by an elder, under whom he lived in the village, and most likely, here we are talking about an alternative religious community of a sectarian kind close to runners. Mikolka's worldview is also confirmed by judicial practice reflected in the memoirs of Dostoevsky's contemporaries. Based on historical sources, a small sect similar to the Mikolka's was identified under the leadership of the peasant Kozma Karpov. The idea promoted by Mikolka's "teacher" correlates with Raskolnikov's theory, where the value of human life is ignored. Mikolka does not commit murder, but, following the idea of "suffering from the authorities," he is ready to ruin himself. On the other hand, it is impossible not to notice that Raskolnikov's theory underlies any sectarian doctrine that asserts the "selectness" of some, to whom "everything is allowed", and the "ordinariness" of others. All this allows us to talk about the author's attitude to such sects, cultivating the idea of suffering and promoting an antisocial lifestyle. The cult of suffering turns out to be destructive for the individual and society, rather than constructive.

Keywords: Dostoevsky, "Crime and punishment", Mikolka, runners, sect

For citation: Karpacheva T. S. Mikolka's "Theory" and its origins in the artistic space of F. M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment". *Cherepovets State University Bulletin*, 2024, no. 3 (120), pp. 100–112. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-3-120-9>; EDN: RGVNEE

Введение

Осмысление темы сект в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» уже привлекало внимание ученых. Так, Н. Н. Подосокорский, сосредотачиваясь на образе главного героя и учитывая, что своим кумиром Раскольников видит Наполеона, предполагает, что в его фамилии мог содержаться намек на секту наполеонитов (или «наполеоновых»), вышедшую из раскольников и действовавшую в 40-е гг. XIX в. в Москве¹. Указание на эту секту также содержится в книге Н. В. Варадинова, классифицировавшего ее как «особенную отрасль хлыстовства»: «В Москве возникла секта Наполеоновская: последователи ее (особенная отрасль хлыстов) поклонялись бюсту Наполеона, как скопцы портрету Селиванова, собирались с большою тайною в особой комнатке, всегда запертой; при входе в эту комнату они кланялись бюсту Наполеона, садились за стол, читали и толковали о Наполеоне, говорили, что с смертью его кончился век и люди стали мучиться, а не жить, таким образом прово-

¹ Подосокорский Н. Н. Религиозный аспект наполеоновского мифа в романе «Преступление и наказание»: образ «Наполеона-пророка» и мистические секты русских раскольников-почитателей Наполеона // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022. № 2 (18). С. 122–125.

дили по несколько часов; сборища их бывали ночью пред праздниками; Наполеона почитали выше всех святых, приводя в доказательство, что прибытие его в Россию ознаменовано явлением звезды, которая являлась только еще раз при Рождестве Иисуса Христа; они имели гравюры, представляющие Наполеона возносящегося на небо»¹. Н. Н. Подосокорский опирается на исследование Н. В. Варадинова, который указывает, впрочем, не претендуя на абсолютную точность («было высказано мнение»), что «секта эта ведет начало с 1847 г. из Псковской губернии или Белостока»². Однако Н. Н. Надеждин отмечает, что эта секта была известна еще с 1820-х гг.³ Н. Н. Подосокорский приходит к выводу о том, что «Достоевский мог обыграть такое оригинальное явление, как культ Наполеона у русских раскольников, при создании истории своего героя, наделенного соответствующей фамилией, чтобы придать роману дополнительную историко-культурную глубину»⁴. Соотношение секты наполеонитов с фамилией главного героя вносит, на наш взгляд, и иные смысловые оттенки в раскрытие его образа: подобно тому, как те раскольники, которые, забыв свое христианское прошлое, поклонились Наполеону («как скопцы портрету Селиванова»), Раскольников так же воздвиг в своей душе идолов: Наполеона, Магомета, Ликурга, которых пошатнула Соня и которые были сокрушены окончательно уже на каторге («Но тут уж начинается новая история, история постепенного обновления человека, история постепенного перерождения его...» (VI, 422)).

Красильщик Миколка Дементьев, герой романа «Преступление и наказание» и отчасти «двойник» Раскольникова, не совершает убийства, но, следуя идее «страдания от властей», он не спасает, а губит себя (вернее, мог бы погубить, если бы не профессионализм Порфирия Петровича).

Основная часть

Образ Миколки, на наш взгляд, несколько избыточно идеализирован в современном достоевсковедении и многими учеными понимается как носитель народной идеи и народной мудрости. Его самооговор «Я убивец» исследователи нередко считают своего рода самопожертвованием, а самого героя соотносят с образом Сони Мармеладовой, видя в обоих случаях подвиг, принятие «добровольного страдания». Так, например, Н. М. Чирков в образе Сони усматривает «переход к образу Миколки»⁵, а в самом Миколке, будто бы принимающем на себя вину Раскольникова, — «возможности безграничного самоотречения и героического подвига»⁶. Подобное

¹ Варадинов Н. В. История Министерства внутренних дел. Кн. 8: История распоряжений по расколу. Санкт-Петербург, 1863. С. 655.

² Там же.

³ Надеждин Н. Н. Исследование о скопческой ереси. Москва: ЛИБРОКОМ, 2012. С. 23.

⁴ Подосокорский Н. Н. Религиозный аспект наполеоновского мифа в романе «Преступление и наказание»: образ «Наполеона-пророка» и мистические секты русских раскольников-почитателей Наполеона // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022. № 2 (18). С. 130.

⁵ Чирков Н. М. О стиле Достоевского. Проблематика, идеи, образы. Москва: Наука, 1967. С. 107.

⁶ Там же. С. 109.

восприятие образа Миколки на сегодняшний день весьма популярно в достоевсковедении. Так, В. А. Михнюкевич называл образ Миколки «выражением народного нравственного идеала братства, высокой ответственности и совестливости»¹. «Самопожертвованием», «жертвенным подвигом» и т. д. поступок Миколки считают также и М. С. Альтман, В. Ф. Соколова, Е. Е. Кулакова² и др. исследователи.

Однако в мотивах, которыми руководствуются герои, нет ничего общего: если Соня сознательно жертвует собой – буквально – ради выживания детей Катерины Ивановны, и ее душевную боль от разлада между ее мировоззрением и образом жизни, который она ведет, сложно не увидеть, то Миколка принимает на себя преступление Раскольникова вовсе не для того, чтобы ради него пожертвовать собой. В его поведенческом акте вообще нет осознанности, он не намерен спасти Раскольникова, он лишь возводит в культ страдание само по себе.

В характеристике, данной Миколке Порфирием Петровичем, на наш взгляд, очень четко показаны признаки зависимого поведения³. Собрав сведения о подозреваемом, следователь дает весьма точную характеристику его личности. В первую очередь, здесь важно обратить внимание на то, что Порфирий Петрович называет Миколку «дитя несовершеннолетнее»⁴, хотя в тексте есть указание на его возраст – двадцать два года (VI, 107) – не такой уж юный, тем более для крестьянского сословия. Говоря современным языком, Порфирий Петрович выявляет явственную инфантильность Миколки, которая и формирует его религиозную зависимость от некоего старца, под началом которого он жил некоторое время назад. Религиозную зависимость специалисты психологи определяют как «нехимическую психологическую зависимость от тоталитарной секты либо подобные характерные психические нарушения у представителя традиционной конфессии»⁵. В качестве характерных призна-

¹ Михнюкевич В. А. Русский фольклор в художественной системе Ф. М. Достоевского. Челябинск: Челябинский государственный университет, 1994. С. 99.

² Альтман М. С. Достоевский. По векам имен. Москва: Саратовский университет, 1975. С. 40–43; Соколова В. Ф. Тема церковного раскола в публицистике и художественном творчестве Ф. М. Достоевского // Старообрядчество: история, культура, современность. Москва: Музей истории и культуры старообрядчества, 2005. Т. II. С. 288–294; Кулакова Е. Е. Детское начало в творческих исканиях Достоевского. Магнитогорск: Магнитогорский государственный университет, 2010. С. 96.

³ См., напр., характеристику аддиктивного (зависимого) поведения: Кутбиддинова Р. А. Психология зависимости. Южно-Сахалинск: Сахалинский государственный университет, 2017. С. 28. По мнению Р. А. Кутбиддиновой, зависимое поведение – это «форма девиантного поведения, с формированием стремления ухода от реальности путем изменения своего психического состояния. Для самозащиты аддикты используют механизм, который в психологии называется “мышление по желанию”, при котором содержание мышления подчинено эмоциям». Изображенное в романе поведение Миколки является яркой иллюстрацией такого поведения.

⁴ Достоевский Ф. М. Преступление и наказание // Собрание сочинений: в 30 т. Ленинград: Наука, 1972–1990. Т. 6. 1978. С. 347. Далее ссылки на «Преступление и наказание» даются непосредственно в тексте в круглых скобках с указанием тома и страницы.

⁵ Кутбиддинова Р. А. Психология зависимости. Южно-Сахалинск: Сахалинский государственный университет, 2017. С. 28–29.

ков религиозной зависимости выделяют «устойчивую потребность переложить ответственность за свои взаимоотношения с Богом на сильного наставника, учителя, старца, который должен установить регламент общения с Богом: что читать, есть, сколько спать и т. д.», при этом «посредником между Богом и членами общины выступает: учитель, гуру, наделенный неограниченной властью».

Как установил Порфирий Петрович, до переезда в Петербург Миколка принадлежал к некой замкнутой религиозной группе: «А известно ли вам, что он из раскольников, да и не то чтоб из раскольников, а просто сектант; у него в роду бегуны бывали, и сам он еще недавно, целых два года, в деревне у некоего старца под духовным началом был. Все это я от Миколки и от зарайских его узнал. Да куда! просто в пустыню бежать хотел! Рвение имел, по ночам Богу молился, книги старые, “истинные” читал и зачитывался. Петербург на него сильно подействовал, особенно женский пол, ну, и вино. Восприимчив-с, и старца, и все забыл <...> Знаете ли, Родион Романыч, что значит у иных из них “пострадать”? Это не то чтоб за кого-нибудь, а так просто “пострадать надо”; страдание, значит, принять, а от властей, так тем паче. <...> Так вот я и подозреваю теперь, что Миколка хочет “страдание принять”, или вроде того» (VI, 347–348). Порфирий Петрович очень точно понимает эту идею возведения в культ страдания самого по себе: «Это не то чтоб за кого-нибудь, а так просто “пострадать надо”», что уже показывает серьезное отличие идеи Миколки от жертвенного подвига Сони. Как справедливо замечает Н. О. Лосский, в творчестве Достоевского «главный вид страдания, имеющий наиболее очевидный нравственный смысл, суть укоры совести»¹, и это далеко не то страдание, к которому стремится Миколка.

Интересно, что такие самооговоры, как Миколкин («Я убивец»), были известны и судебной практике. Так, А. Ф. Кони приводит случай из практики, когда некий старик, «принадлежавший к секте бегунов или странников так называемого сопелковского согласия, <...> будучи задержан в Казани, возводил на себя разные преступления, с угрюмым упорством отвергая твердо установленные данные, указывающие на его невиновность. Внизу протоколов своих показаний он писал полуустановом: “за истинную православную христианскую веру раб Божий Иона Воробьев руку приложил”»². На основе своей обширной судебной практики А. Ф. Кони делает вывод о том, что такие случаи вообще были нередки «между последователями крайних и мрачных сектантских учений, вроде морельщиков, самосжигателей, бегунов»³, считавших, что «Царство Небесное может быть достигнуто только тяжкими и незаслуженными земными испытаниями, и потому ищущ<их> “приятъ страдание”, возводя на себя небывалые преступления или обвиняя себя в совершении преступления, несомненно содеянного другими»⁴. Такая идея базировалась на том, что у бегунов («бегуны» или «странники» чаще всего классифицировались как «старообрядческая

¹ Лосский Н. О. Миропонимание Достоевского // Бог и мировое зло. Москва: Республика, 1999. С. 179.

² Кони А. Ф. На жизненном пути: в 5 т. Ревель-Берлин: Библиофиль, 1912–1929. Т. 1. Из записок судебных дел. Житейские встречи. 1912. С. 320.

³ Там же.

⁴ Там же.

беспоповщинская секта»¹), к которым генетически возводит Миколку Порфирий Петрович, любые представители власти считались «слугами антихриста», и пострадать от властей значило пострадать за Христа².

Основание секты относят к концу XVIII в. Ее создатель, беглый солдат Евфимий (1743–1792)³, называл царскую власть «апокалиптическим зверем», призывал «порвать всякую связь с обществом и государством, не брать паспортов, не идти на военную службу, не обращаться в суд, не платить налоги, но “достоить таиться и бегать”, то есть не иметь дома, семьи, а только постоянно скрываться и избегать всякой связи с людьми, носящими печать антихриста, в том числе и со старообрядцами»⁴. Бегуны, которых еще называли «странниками», их идеология и образ жизни неоднократно становились предметом изучения уже современников Достоевского. Как отмечает Н. И. Ивановский, посвятивший секте отдельное исследование, «православную церковь они исповедуют находящейся под властью антихриста, но и государство со всеми его учреждениями считают антихристианским, почему с последним разрывают всякую связь: не подчиняются никаким существующим властям, считая их иконою апокалиптического зверя – антихриста <...> не несут никаких общественных повинностей, живут скрытно, в каком-то особом мире, точно в другом царстве»⁵. А. П. Щапов, делая акцент в большей степени на социальных вопросах в изучении сектантства, нежели на религиозных, считал, в свою очередь, бегунов оппозиционным народным движением, возникшим как реакция на угнетенное положение крестьян: «В течение полутора столетий правительство энергически преследовало беглых и бродяг: во второй половине XVIII века бегство стало униматься, но не останавливалось. И вот в этих средневоложских селах Ярославской, Владимирской, Костромской губерний <...> являются бегуны, странники, особое общинно-демократическое оппозиционное согласие, которое принцип бегства возводит в догмат, бегству придает религиозную санкцию, в бегстве видит путь спасения»⁶. Интересно, что и категорический отказ бегунов от переписи ученые объясняют тоже вполне мирскими причинами: различными злоупотреблениями властью на местах

¹ См., напр.: Ивановский Н. И. Внутреннее устройство секты странников или бегунов // Миссионерское обозрение. Санкт-Петербург: Издание журнала «Миссионерское обозрение», 1901. С. 1.

² См. об этом, напр.: Аксаков И. С. Краткая записка о странниках или бегунах (1851) // Русский архив. 1866. № 4. С. 627–644; Трефолов Л. Н. Странники // Русский архив. 1866. № 4. С. 602–627; Кельсиев В. И. Пережитое и передуманное. Воспоминания Василия Кельсиева. Санкт-Петербург: Печатня В. Головина, 1868. С. 35–37 и др.

³ Такие даты жизни приводятся в работе: Л. Н. Трефолов. Странники // Русский архив. 1866. № 4. С. 610.

⁴ Бахмутов Е. С. Секта бегунов – радикальный толк раскола // Регионология. 2008. № 1. URL: regionsar.ru (дата обращения: 27.10.2023). См. также: Варадинов Н. В. История Министерства внутренних дел. Кн. 8: История распоряжений по расколу. Санкт-Петербург, 1863. С. 530–532.

⁵ Ивановский Н. И. Внутреннее устройство секты странников или бегунов // Миссионерское обозрение. Санкт-Петербург: Издание журнала «Миссионерское обозрение», 1901. С. 2.

⁶ Щапов А. П. Земство и раскол. Бегуны // Собрание сочинений: в 3 т. Санкт-Петербург: Издательство М. В. Пирожкова, 1906–1908. Т. 1. 1906. С. 515.

при первой поголовной переписи 1718–1725 гг. (конфискацией земли у крестьян и т. д.), из чего следовал обросший религиозной идеей отказ «писаться» («творите с нами что хотите, но в книги законопреступные писаться не будем и другим не советуем, ибо мы записаны в книги животные небесного царя» и т. п.)¹.

К середине XIX в. переход на нелегальное положение для бегунов (странников) идеологически стал важнее, чем странничество само по себе. При вступлении в секту необходимо было уничтожить документы и жить «под сокрытием», хоть бы и в своей деревне². Идеология бегунов включала в себя и крайнюю обособленность, которая явно чужда Соне, и, хотя бы поэтому, никак нельзя соотносить с ней Миколку. Как отмечает Н. В. Варадинов, бегуны «с раскольниками других толков <...> не общались ни в пище, ни в молитве, поклонялись только древним иконам или изделям самих странников»³. Тем не менее такие странники очень почитались в старообрядческой среде и всегда могли рассчитывать на кров и пищу среди «странноприимцев». И. С. Аксаков приводит случаи, доходящие до абсурда: когда дети зажиточных крестьян подавались в розыск, числились в бегах, однако при этом оставались дома, «скрываясь в тайниках (здесь и далее курсив наш. – Т. К.) родительских изб и находя для себя отраду сколько в исключении себя из общества антихристовых граждан, столько же в “стеснении, скрывтии и гонении”, когда никто еще тогда их не преследовал!»⁴ Таким образом, вполне соответствует действительности проживание Миколкиного учителя в деревне (а не в лесу, например), поскольку идея сокрытия в первую очередь включала в себя отказ от документов и связей с социумом, а не странничество в буквальном смысле. Также важно обратить внимание на то, что Миколкин старец не был священником и (или) монахом, а был просто неким деревенским стариком, создавшим свою альтернативную, сектантскую, общину (Порфирий Петрович четко указывает, что Миколка под его началом жил не в монастыре, а в деревне).

Выйдя из общины и приехав в Петербург, Миколка начинает пьянствовать (как характеризует его содержатель распивочной крестьянин Душкин, «Миколай хоть не пьяница, а выпивает» (VI, 106)), но, попав под подозрение в убийстве, вспоминает идею страдания, «тем паче от властей», которую, скорее всего, его старец проповедовал. Как члена некой квазирелигиозной, близкой к бегунам группы Миколку характеризует паническая боязнь всего, что относится к государству, к органам власти

¹ Шапов А. П. Земство и раскол. Бегуны // Собрание сочинений: в 3 т. Санкт-Петербург: Издательство М. В. Пирожкова, 1906–1908. Т. 1. 1906. С. 517.

² Мальцев А. И. Об одном из основных аспектов вероучения староверов-странников // Книга и литература в культурном контексте: сборник научных статей, посвященных 35-летию начала археографической работы в Сибири 1965–2000 / редакторы-составители: Е. И. Скоп, В. Н. Алексеев. Новосибирск, 2003. С. 447. См. также: Варадинов Н. В. История Министерства внутренних дел. Кн. 8: История распоряжений по расколу. Санкт-Петербург, 1863. С. 532–533.

³ Варадинов Н. В. История Министерства внутренних дел. Кн. 8: История распоряжений по расколу. Санкт-Петербург, 1863. С. 533.

⁴ Аксаков И. С. Краткая записка о странниках или бегунах (1851) // Русский архив. 1866. № 4. С. 639.

(«засудят»). Разумихин рассказывает: «А про убийство подтверждает прежнее: “Знать не знаю, ведаť не ведаю, только на третий день услыхал”. – “А зачем же ты до сих пор не являлся?” – “Со страху” – “А повеситься зачем хотел?” – “От думы” – “От какой думы?” – “А што засудят”. Ну вот и вся история» (VI, 108–109). Таким образом, речевая характеристика Миколки, равно как его психологический портрет, включающий в себя и попытку суицида («...снял с себя крест, серебряный, и попросил за крест шкалик. <...> к балке кушак привязал, петлю сделал; стал на обрубок и хочет себе петлю на шею надеть» (VI, 107)), показывают человека ведомого и зависимого.

Психиатр В. С. Ефремов, изучавший отображенные в творчестве Достоевского картины различных психических состояний и акцентировавший внимание на суицидальных и пресуицидальных состояниях, замечает, что поведение Миколки «свидетельствует <...> о дезорганизации психической деятельности и поведения»¹. Его суицидальные действия, как отмечает ученый, вызваны распространенным среди суицидентов мотивом «избежания наказания»², который, правда, чаще характерен для действительных, а не мнимых преступников. Для Миколки же в связи с «состоянием выраженной дезорганизации психической деятельности»³ «еще только возможная действительность уже становится реальностью»⁴. Сформулированное ученым понимание психологии сектанта также соответствует судебной практике. Как отмечает Л. Н. Трефолев, изучавший дело ярославских бегунов⁵, они заведомо «видели в допрашивавших беспощадных врагов, заранее их осудивших; мало того, они считали чиновников бесами, а потому объясняться с нечистою силою почитали за грех»⁶. Л. Н. Трефолев делает такое наблюдение: «У странников ложь тем обязательнее, что она есть выражение брани, которую каждый должен вести с антихристом и слугами его»⁷. Сходное мироощущение обнаруживает и Миколка.

Итак, изображение пограничного психического состояния Миколки, вызванного состоянием зависимости, инфантильностью, страхом перед судебной властью («засудят»), может говорить о трагическом облике этого героя, вызывать жалость, но никак не восхищение читателя. В этой связи видеть в характере Миколки героизм и/или святость невозможно, а ставшая относительно недавно популярной идея соот-

¹ Ефремов В. С. Самоубийство в художественном мире Достоевского. Санкт-Петербург: Диалект, 2008. С. 181.

² Там же.

³ Там же. С. 180.

⁴ Там же. С. 181.

⁵ Исследователь приводит историю обнаружения секты: участвовавшие случаи разбоев и грабежей в Ярославских лесах всколыхнули общественность. Организованная для этого специальная комиссия, в состав которой, кстати, входил и писатель И. С. Аксаков, обнаружила не только бандитов, но и множество лиц, проживавших без паспортов и «не помнящих» своих родителей. При этом бандиты «Пашка и Абрашка», устрашавшие мирное население и совершившие «не одно убийство», прятались «у тех же пристанодержателей, которые укрывали и странников». См.: Трефолев Л. Н. Странники // Русский архив. 1866. № 4. С. 626.

⁶ Трефолев Л. Н. Странники // Русский архив. 1866. № 4. С. 606.

⁷ Там же. С. 615.

ношения Миколки с образом свт. Николая Чудотворца, на наш взгляд, просто кощунственна¹.

Однако следует отметить, что Порфирий Петрович не конкретизирует, к какой именно секте принадлежал или мог принадлежать Миколка. Бегуны бывали лишь в его роду, сам же он жил под началом какого-то старика в деревне, т. е. секта, видимо, была немногочисленной. Так, ученый юрист, современник Достоевского, Н. В. Варадинов указывает на довольно интересную, немногочисленную (выявлено всего примерно 20 чел.) секту, обнаруженную в Зарайском уезде Рязанской губернии, откуда был родом Миколка, называвшуюся «истинна во истинну или тайна утаенная». Руководил ею крестьянин Козьма Карпов из Зарайского уезда, последователи его жили в Москве и ходили к своему наставнику в Зарайский уезд. Н. В. Варадинов отмечает: «При поступлении, <...> адепты давали перед образом клятву: мужья и жены жить между собою как братья с сестрами, холостые не жениться, девицы не выходить замуж, от церкви не отрекаться и сохранять свою секту втайне. Последователи этой секты собирались в доме Козьмы Карпова, пели, прихлопывая правою рукою на ногу и притопывая ногою. По окончании пения Карпов надевал на себя длинную белую рубаху и, поклонившись пред иконою, вертелся в правую сторону, притопывая левою ногою, и пророчествовал; присутствовавшие сидели в это время на лавках, мужчины по правую, а женщины по левую сторону, а те из них, которым Карпов пророчествовал, становились на колени и кланялись ему, прочие пели»². Здесь присутствует описание сходных с хлыстовскими практик, что, в общем, неудивительно. Для сект вообще характерен религиозный синкретизм: чаще всего основатель берет из разных учений какие-либо идеи и основывает свое учение, которое не подлежит сомнению среди последователей, но которое может постоянно меняться³. Конечно, нет оснований утверждать, что Миколка мог принадлежать именно к этой секте, но в его характере и поведении выявляются типичные черты религиозной зависимости. Доведи он до конца свою идею и попади на каторгу, он тоже, как и Раскольников, мог бы сказать, что «себя убил». И, пожалуй, лишь в этом смысле Миколку можно считать двойником Раскольникова. Его идея (вернее, идея, навязанная ему старцем) оказывается столь же разрушительной, сколь и теория Раскольникова. Если бы Порфирий Петрович не проявил к нему должного внимания, идея старца стоила бы ему нескольких лет свободы и разрушенной жизни.

Важную роль в идейном плане романа играет столкновение двух теорий: теории раскольников-бегунов и теории Родиона Раскольникова. Б. Н. Тихомиров считает их противоположными: «При включении учения бегунов в орбиту проблематики “Преступления и наказания” не может не броситься в глаза, что их ключевая идея невоз-

¹ См., напр.: Амелин Г. Г. Образ Николы-Чудотворца в «Преступлении и наказании». Лекции по философии литературы. Лекция XII. URL: sv-scena.ru (дата обращения: 27.10.2023).

² Варадинов Н. В. История Министерства внутренних дел. Кн. 8: История распоряжений по расколу. Санкт-Петербург, 1863. С. 476.

³ Такая особенность, характерная для сект вообще, выявлена лишь современными исследователями этого феномена. См., напр.: Дворкин А. Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. Нижний Новгород: Христианская библиотека, 2012. С. 55.

возможности достижения Царства Божия *на земле* и представление о “властителях” как воплотившемся, вочеловечившемся антихристе радикально и в самых главных пунктах противоположны теории Раскольникова о “необыкновенных личностях” – “законодателях и установителях” человечества, которые “двигают мир и ведут его к цели” – итоговой общечеловеческой гармонии, которую герой романа именует “Новым Иерусалимом”. Учение бегунов задает миропорядку и истории принципиально иную “парадигму”, нежели философско-историческая концепция Родиона Раскольникова <...> Там, где у Раскольникова “необыкновенные личности”, “право” которых на кровь оправдано исключительно их особой исторической миссией, у бегунов – антихрист и слуги его и принципиальное отрицание истории как пути спасения, ибо спасение в земной жизни недостижимо. <...> Таким образом, противостояние в “большом диалоге” романа Родиона Раскольникова и маляра Миколки имеет не только этический характер, но и глубокий религиозно-философский смысл¹. Однако если в «большом диалоге», т. е. в некоей исторической перспективе, учение бегунов и противоположно теории Раскольникова, то во взглядах морально-этических они совпадают. Так, Л. Н. Трефолов приводит характерные «раскольничьи стихи», в которых высказалось ощущение своей «избранности», а также, что интересно, звучат мистические угрозы в адрес «несогласных»:

Он (Господь. – Т. К.) нас от себя призывает
И свои руки к нам простирает,
И грехи наши не вспоминает ... <...>
А кто нас погонит,
Тот себя в геену готовит.
А кто будет принимать,
*Тот получит благодать*². ... (курсив наш. – Т. К.)

Выводы

Таким образом, теория Раскольникова, постепенное избавление от которой происходит на протяжении всего романа, оказывается сходной с неким типичным сектантским учением, утверждающим «избранность» одних и «обыкновенность» других. Образ же Миколки, в котором явно прослеживаются признаки зависимого поведения, характерной инфантильности и религиозной зависимости, сформулированные и систематизированные уже в современной науке (и здесь мы с уверенностью можем говорить о значительном опережении писателем своего времени в понимании психологии человека), явно трагичен. Страдание само по себе, которого взыскует Миколка, абсолютизация страдания без покаяния и мук совести, бессмысленны. Такую жажду страдания нельзя назвать не то что подвигом, но даже добродетелью. Возведение страдания в своеобразный культ оказывается разрушительным для личности и общества, а не созидательным.

¹ Тихомиров Б. Н. «Лазарь, гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении. Санкт-Петербург: Серебряный век, 2005. С. 361.

² Трефолов Л. Н. Странники // Русский архив. 1866. № 4. С. 603.

Список источников

- Аксаков И. С. Краткая записка о странниках или бегунах (1851) // Русский архив. 1866. № 4. С. 627–644.
- Альтман М. С. Достоевский. По вехам имен. Москва: Издательство Саратовского университета, 1975. 280 с.
- Амелин Г. Г. Образ Николы-Чудотворца в «Преступлении и наказании» // Лекции по философии литературы. Лекция XII. URL: sv-scena.ru (дата обращения: 27.10.2023).
- Бахмутов Е. С. Секта бегунов – радикальный толк раскола // Регионоведение. 2008. № 1. URL: regionsag.ru (дата обращения: 27.10.2023).
- Варадинов Н. В. История Министерства внутренних дел. Кн. 8.: История распоряжений по расколу. Санкт-Петербург, 1863. 656 с.
- Дворкин А. Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. Нижний Новгород: Христианская библиотека, 2012. 813 с.
- Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Ленинград: Издательство «Наука», 1972–1990. Т. 6. 1978. Преступление и наказание. 426 с.
- Ефремов В. С. Самоубийство в художественном мире Достоевского. Санкт-Петербург: Диалект, 2008. 584 с.
- Ивановский Н. И. Внутреннее устройство секты странников или бегунов // Миссионерское обозрение. Санкт-Петербург: Издание журнала «Миссионерское обозрение», 1901. 102 с.
- Кельсиев В. И. Пережитое и передуманное. Воспоминания Василия Кельсиева. Санкт-Петербург: Печатня В. Головина, 1868. 444 с.
- Кони А. Ф. На жизненном пути: в 5 т. Ревель-Берлин: Библиофиль, 1912–1929. Т. 1. Из записок судебных дел. Житейские встречи. 1912. 676 с.
- Кулакова Е. Е. Детское начало в творческих исканиях Достоевского: монография. Магнитогорск: Магнитогорский государственный университет, 2010. 200 с.
- Кутбидинова Р. А. Психология зависимости. Южно-Сахалинск: Сахалинский государственный университет, 2017. 128 с.
- Лосский Н. О. Миропонимание Достоевского // Бог и мировое зло. Москва: Республика, 1999. 432 с.
- Мальцев А. И. Об одном из основных аспектов вероучения староверов-странников // Книга и литература в культурном контексте: сборник научных статей, посвященных 35-летию начала археографической работы в Сибири 1965–2000 / редакторы-составители: Е. И. Скоп, В. Н. Алексеев. Новосибирск, 2003. С. 447–452.
- Михнюкевич В. А. Русский фольклор в художественной системе Ф. М. Достоевского. Челябинск: Челябинский государственный университет, 1994. 320 с.
- Надеждин Н. Н. Исследование о скопческой ереси. Москва: ЛИБРОКОМ, 2012. 376 с.
- Подсокорский Н. Н. Религиозный аспект наполеоновского мифа в романе «Преступление и наказание»: образ «Наполеона-пророка» и мистические секты русских раскольников-почитателей Наполеона // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022. № 2 (18). С. 89–143.
- Соколова В. Ф. Тема церковного раскола в публицистике и художественном творчестве Ф. М. Достоевского // Старообрядчество: история, культура, современность. Москва: Музей истории и культуры старообрядчества, 2005. Т. II. С. 288–294.
- Тихомиров Б. Н. «Лазарь, гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении. Санкт-Петербург: Серебряный век, 2005. 472 с.
- Трефолов Л. Н. Странники // Русский архив. 1866. № 4. С. 602–627.
- Чирков Н. М. О стиле Достоевского. Проблематика, идеи, образы. Москва: Наука, 1967. 305 с.

Щапов А. П. Земство и раскол. Бегуны // Собрание сочинений: в 3 т. Санкт-Петербург: Издательство М. В. Пирожкова, 1906–1908. Т. 1. 1906. С. 505–579.

References

Aksakov I. S. Kratkaia zapiska o strannikakh ili begunakh (1851) [Short note about wanderers or runners]. *Russkii arkhiv* [Russian Archives], 1866, no. 4, pp. 627–644.

Altman M. S. *Dostoevskii. Po vekham imen* [Dostoevsky. On the milestones of names]. Moscow: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1975. 280 p.

Amelin G. G. Obraz Nikoly-Chudotvortsia v “Prestuplenii i nakazanii” [Image of Nikola the Wonderworker in “Crime and Punishment”]. *Lektsii po filosofii literatury. Lektsiia XII* [Lectures on Philosophy of Literature. Lecture XII]. Available at: sv-scena.ru (accessed: 27.10.2023).

Bakhmustov E. S. Sekta begunov – radikal'nyi tolk raskola [Sect of runners – radical trend of the split]. *Regionologiia* [Russian Journal of Regional Studies], 2008, no. 1. Available at: regionsar.ru (accessed: 27.10.2023).

Varadinov N. V. *Istoriia Ministerstva vnutrennikh del. Kn. 8: Istoriia rasporiiazhenii po raskolu* [History of the Ministry of Internal Affairs. Book 8: History of orders about schism]. St Petersburg, 1863. 656 p.

Dvorkin A. L. *Sektovedenie. Totalitarnye sekty. Opyt sistematicheskogo issledovaniia* [Sectology. Totalitarian sects. Experience of systematic research]. Nizhnyi Novgorod: Khristianskaia biblioteka, 2012. 813 p.

Dostoevskii F. M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t* [Complete set of works: in 30 vols]. Leningrad: Izdatel'stvo “Nauka”, 1972–1990. Vol. 6. 1978. *Prestuplenie i nakazanie*. 426 p.

Efremov V. S. *Samoubiistvo v khudozhestvennom mire Dostoevskogo* [Suicide in the artistic world of Dostoevsky]. St Petersburg: Dialekt, 2008. 584 p.

Ivanovskii N. I. Vnutrennee ustroistvo sekty strannikov ili begunov [The inner structure of the sect of wanderers or runners]. *Missionerskoe obozrenie* [Missionary Review]. St Petersburg: Izdanie zhurnala “Missionerskoe obozrenie”, 1901. 102 p.

Kel'siev V. I. *Perezhitoe i peredumannoe. Vospominaniia Vasiliia Kel'sieva* [Experienced and reflected. Memories of Vasily Kelsiev]. St Petersburg: Pechatnia V. Golovina, 1868. 444 p.

Koni A. F. Na zhiznennom puti [On the way of life: in 5 vols.]. Revel'-Berlin: Bibliofil, 1912–1929. *Iz zapisok sudebnykh del. Zhiteiskie vstrechi* [From the notes of court cases. Life meetings. Vol. 1]. 1912. 676 p.

Kulakova E. E. *Detskoe nachalo v tvorcheskikh iskaniiakh Dostoevskogo: monografiia* [Children's beginning in Dostoevsky's creative searching]. Magnitogorsk: Magnitogorskii gosudarstvennyi universitet, 2010. 200 p.

Kutbiddinova R. A. *Psikhologiia zavisimosti* [Psychology of addiction]. Iuzhno-Sakhalinsk: Sakhalinskii gosudarstvennyi universitet, 2017. 128 p.

Losskii N. O. Miroponimanie Dostoevskogo [Dostoevsky's world understanding]. *Bog i mirovoe zlo* [God and world evil]. Moscow: Respublika, 1999. 432 p.

Mal'tsev A. I. Ob odnom iz osnovnykh aspektov veroucheniia staroverov-strannikov [About one of the main aspects of the Old Believers' faith]. *Kniga i literatura v kul'turnom kontekste: sbornik nauchnykh statei, posviashchennykh 35-letiiu nachala arkhograficheskoi raboty v Sibiri 1965–2000* [Book and literature in the cultural context: a collection of scientific articles dedicated to the 35th anniversary of the beginning of archeographic work in Siberia 1965–2000; ed. by E. I. Skop, V. N. Alekseev]. Novosibirsk, 2003, pp. 447–452.

Mikhniukevich V. A. *Russkii fol'klor v khudozhestvennoi sisteme F. M. Dostoevskogo* [Russian folklore in the artistic system of F. M. Dostoevsky]. Cheliabinsk: Cheliabinskii gosudarstvennyi universitet, 1994. 320 p.

Nadezhdin N. N. *Issledovanie o skopcheskoi eresi* [Research on the skoptsy heresy]. Moscow: LIBROKOM, 2012. 376 p.

Podosokorskii N. N. Religiozniy aspekt napoleonovskogo mifa v romane “Prestuplenie i nakazanie”: obraz “Napoleona-proroka” i misticheskie sekty russkikh raskol'nikov-pochitatelei Napoleona [The religious element of the myth of Napoleon in the novel “Crime and Punishment”: the image of “Napoleon-Prophet” and the mystic sects of Russian schismatics, worshippers of Napoleon]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal* [Dostoevsky and World Culture. Philological journal], 2022, no. 2 (18), pp. 89–143.

Sokolova V. F. Tema tserkovnogo raskola v publitsistike i khudozhestvennom tvorchestve F. M. Dostoevskogo [The theme of the Church schism in F. M. Dostoevsky's publicism and artistic creation]. *Staroobriadchestvo: istoriia, kul'tura, sovremennost'* [Old Believers: history, culture, modernity]. Moscow: Muzei istorii i kul'tury staroobriadchestva, 2005, Vol. II, pp. 288–294.

Tikhomirov B. N. “Lazar', griadi von”. *Roman F. M. Dostoevskogo “Prestuplenie i nakazanie” v sovremennom prochtenii* [“Lazarus, go away”. F. M. Dostoevsky's novel “Crime and Punishment” in modern interpretation]. St Petersburg: Serebrianyi vek, 2005. 472 p.

Trefolev L. N. Stranniki [Wanderers]. *Russkii arkhiv* [Russian Archives], 1866, no. 4, pp. 602–627.

Chirkov N. M. *O stile Dostoevskogo. Problematika, idei, obrazy* [About Dostoevsky's style. Problematics, ideas, images]. Moscow: Nauka, 1967. 305 p.

Shchapov A. P. Zemstvo i raskol. Beguny [Zemstvo and schism. Runners]. *Sobranie sochinenii* [Collected works: in 3 vols]. St Petersburg: Izdatel'stvo M. V. Pirozhkova, 1906–1908, Vol. 1, 1906, pp. 505–579.

Сведения об авторе

Татьяна Сергеевна Карпачева – кандидат филологических наук, доцент; karpachevaTS@mgpu.ru, Департамент филологии Московского городского педагогического университета (д. 4, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 129226 Москва, Россия); **Tatiana S. Karpacheva** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, karpachevaTS@mgpu.ru, The Department of Philology of Moscow City Pedagogical University (4, Vtoroy Sel'skokhozyaistvennyi proezd, 129226 Moscow, Russia).

Статья поступила в редакцию 08.02.2024; одобрена после рецензирования 18.03.2024; принята к публикации 01.04.2024.

The article was submitted 08.02.2024; Approved after reviewing 18.03.2024; Accepted for publication 01.04.2024.